

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Разработка серийного оформления *С. Груздев*

Редактор серии *А. Антонова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Божий дар: роман / Татьяна Устинова, Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-104587-6

Впервые в творческом дуэте объединились самая знаковая писательница современности Татьяна Устинова и самый известный адвокат Павел Астахов. Роман, вышедший из-под их пера, поражает достоверностью деталей и пронзительностью образа главной героини — судьи Лены Кузнецовой. Каждая книга будет посвящена остросоциальной теме. Этот роман из цикла «Дела судебные» о самом животрепещущем и наболевшем — о незащищенности и хрупкости жизни и судьбы ребенка. Судья Кузнецова ведет параллельно два дела: первое — о правах на ребенка, выношенного суррогатной матерью, второе — о лишении родительских прав. В обоих случаях решения, которые предстоит принять, дадутся ей очень нелегко...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Астахов П., Устинова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104587-6

Судья принимает решение по закону на основании личного внутреннего убеждения.

На часах — восемь ноль пять. Значит, кофе пить уже некогда. И так опаздываю. Хотя, если повезет и на Таганке не будет пробки, может, я успею купить стаканчик эспрессо навынос в кафешке рядом с работой.

На ходу надевая плащ, я выскочила из квартиры.

На улице лило — уныло, по-осеннему основательно. В такую погоду сидеть бы под пледом, читать роман. Или камин топить. Или гулять вдвоем под зонтом от одной кофейни к другой. Желательно — в Париже.

Но о прогулках по кофейням с последующим чтением романов у камина и мечтать нечего. Равно как и о завтраке в постель. Завтрак в постель! Какое счастье, господи! Горячие булочки, масло, джем, целый кофейник крепкого кофе... Это могло бы примирить меня с действительностью даже в такую погоду. После булочек и кофе в постель я бы на работу шла, пожалуй, как на праздник. Э-эх...

Я вытащила ключи от машины, нажала кнопку сигнализации. Старенькая «Хонда» пи-

скнула в ответ. Ну что ты будешь делать?! Похоже, кофе навынос мне сегодня не достанется. Выезд со стоянки перегородил здоровенный джип. Водителя в кабине не было.

Да что ж такое! Мало того, что я осталась без кофе, мало того, что погода — дрянь и я стою среди луж в белых замшевых сапогах, потому что черные — кожаные, непромокаемые, на шестидюймовых шпильках — надела Сашка, даже не спросила меня, просто ушла в них — и все. А теперь еще какой-то упырь раскорячился посреди подъездной дорожки ровно в тот момент, когда я опаздываю в первый же день на новую работу.

Вот ведь как хорошо в Париже! Бросил машину в неположенном месте, тебе — бац, штраф в четыреста евро, чтоб в следующий раз неповадно было. И еще там Елисейские Поля, которые меня всегда почему-то раздражают, — почему поля, когда это проспект?! — галантные загорелые мужчины, Эйфелева башня и Люксембургский сад.

Пару минут я разглядывала необитаемый джип. Если просто стоять под дождем и ждать, когда появится владелец машины, то на работу сегодня и вовсе можно не попасть.

Я похлопала джип по капоту. Если сработает сигнализация, владелец тут же объявится. Сигнализация не сработала.

Я хлопнула сильнее. Джип ожил, замигал всеми своими многочисленными фарами и взвыл, как корабельная сирена в тумане.

Из окон начали выглядывать жильцы.

Но спуститься к машине никто не спешил.

Джип повыл и умолк, погасив фары. На часах было двадцать минут девятого.

Сапоги промокли насквозь. Сашке голову оторвать мало.

Когда дочь была маленькой, я мечтала, как она вырастет. Ей будет тринадцать, мне — тридцать пять, я буду помогать ей выбирать платья, она — делиться со мной первыми любовными переживаниями. Почему-то казалось, что тринадцатилетняя дочь — одно сплошное счастье и удовольствие. Теперь выяснилось, что к этому счастью и удовольствию прилагаются школьные проблемы, тонны квадратных уравнений, которые приходится проверять (и как же я это ненавижу, кто бы знал), мои истерики, когда Сашки после одиннадцати нет дома и телефон у нее выключен, ее истерики, когда меня нет дома, а ей срочно нужны деньги на проездной, а также постоянные сражения за ванную, за зеркало, за куртку, свитер, сапоги... Моя тринадцатилетняя дочь не делится со мной любовными переживаниями. Зато мне приходится делиться с ней одежкой. Сказать честно, я была не готова к тому, что Сашка так быстро вырастет и по утрам будет убегать в школу в моих сапогах. Хоть под подушку их на ночь прячь, честное слово!

Ну ладно, черт с ними, с сапогами. Сегодня как-нибудь обойдусь. Приеду на работу — переобуюсь. В багажнике должны лежать черные

туфли, помнится, я их забрала из ремонта, кинула в машину, а домой так и не отнесла. Как раз и пригодятся.

Однако до работы сперва надо доехать.

Я еще раз стукнула чужую машину — на сей раз по багажнику. Джип опять взвыл дурным голосом. Люди снова повысовывались из окон. На балконе третьего этажа появился мужик в красном шелковом халате и заорал, чтобы я не мешала людям спать, немедленно прекратила хулиганить и убиралась прочь, иначе он вызовет милицию. Свою прочувствованную речь нервный гражданин в халате обильно сдабривал идиоматическими выражениями.

— Я сама сейчас милицию вызову! — заорала я в ответ. — И присужу вам штраф до семи минимальных окладов или месяц исправительных работ за нанесение словесных оскорблений и поведение, нарушающее общественный покой!

— Ты что, прокурор, что ли? — хохотнул мужик.

На самом деле прокурором, вернее, помощником прокурора я была до вчерашнего дня. А начиная с сегодняшнего работаю судьей в Таганском районном суде. Так что штраф присудить могу преспокойно. Если, конечно, когда-нибудь попаду на работу...

— Прекратите кричать, спуститесь и уберите машину с дороги, — сказала я гражданину в халате.

Дождь падал на лицо, и, наверное, тушь у меня размазалась.

— Кто ее поставил — тот пусть и убирает, — резонно возразил нервный гражданин. — Вы с ним разбирайтесь, а нормальным людям не мешайте спать.

— Так это не ваша машина, что ли? — громко удивилась я.

— Еще чего! — Он фыркнул с таким презрением, будто во дворе стоял не роскошный внедорожник, а какая-нибудь ржавая рухлядь, детище жигулевского автозавода.

Хлопнула оконная рама. Гражданин в халате скрылся в недрах своей квартиры. Я снова осталась наедине с бесхозным джипом.

Часы показывали без двадцати девять. Через двадцать минут начинается мой первый рабочий день на новом месте. Похоже, он начнется без меня...

В итоге мне все же удалось выехать со двора. Правда, для этого пришлось взобраться на высокий бордюр и проехать по газону. С разгона вскакивая на бордюр, я чувствовала себя немножечко Джеймсом Бондом. В конце концов, чем я хуже? Русская женщина любого Бонда за пояс заткнет. Разве что машина моя не так хорошо приспособлена к подобным трюкам. После того как я по-бондовски лихо с бордюра съехала, под капотом несчастной машинки что-то истерически заколотилось. Там и раньше постукивало — тихо, деликатно и только если резко трогаясь с места. Я собиралась загнать

машину на сервис, но все руки не доходили. Похоже, теперь до сервиса все же придется доехать.

Спасибо владельцу джипа, из-за которого мне пришлось скакать по бордюрам.

На Таганке, конечно же, было столпотворение. Кажется, не было случая, чтобы я здесь проехала, не постояв полчаса на светофоре. Интересно, если приехать на Таганскую площадь, скажем, в половине пятого утра? Тоже попадешь в пробку?..

Я глянула в зеркало заднего вида, достала платок, вытерла потеки туши под глазами. За окном лил дождь. По стиснутой серыми мокрыми зданиями улице текла серая толпа людей в мокрых плащах...

Я должна быть на работе в девять. В итоге в девять пятнадцать я только сворачивала из переулка к зданию суда. А еще мечтала купить кофе навынос!

Парковка рядом с судом была, разумеется, вся заставлена машинами. Оставалось или парковаться на газоне (штраф до тысячи рублей, не как в Париже, но приближаемся, приближаемся к цивилизованным странам, елки-палки!), или встать на единственное свободное место аккурат посреди глубокой лужи. Бог бы с ним, со штрафом, но газон от проезжей части отделял бордюр. Еще одной встречи с бордюром моя «Хонда» точно не переживет. Так что я решительно въехала в самый центр лужи. Волны ее разошлись, подобно волнам Красного моря пе-

ред евреями, обдав окна мутной жижей. Я открыла дверцу, вышла из машины и оказалась по шиколотку в воде. Белые замшевые сапоги пришились как нельзя кстати...

В сапогах, которые после купания в луже окончательно перестали быть белыми, хлюпала вода. Господи, как же кофе хочется, кто бы знал... Так, кажется, где-то здесь должен быть мой кабинет. Я подошла к двери с табличкой «Лавренюк Василий Васильевич, судья». С сегодняшнего дня Василь Васильич Лавренюк — это я. Не беда, что зовут меня Елена Владимировна и фамилия моя вовсе не Лавренюк, а, напротив, Кузнецова. Не имя красит человека, или как там? А, не место красит. Да. Но и не имя тоже.

Я вошла в кабинет и осмотрелась. Это место, бесспорно, никого украсить не могло ни при каких обстоятельствах. Судя по всему, Василь Васильич был человеком прижимистым и, покидая старое место работы, действовал по методу выжженной земли. Не кабинет, а сплошное торжество минимализма. У стены — колченогий стол, который Василь Васильич, возможно, просто не смог вынести. Рядом притулился стул. Все остальное судья Лавренюк перевез с собой на новое место работы. А, нет, вру. Еще он оставил мне гвоздь. Очень-очень одинокий большой гвоздь торчал из стены аккурат над столом.

Что ж такого ценного на этом гвозде висело-то? Парадный портрет бабушки-дворянки?

Коллекция экзотических бабочек под стеклом? Фото президента с личным автографом «Дорогому Василь Васильчу на добрую память»? Скорее всего, именно президент в рамке и висел. Только, наверное, все же без автографа. Просто постер за сто рублей. Почему надо было сторублевый постер стаскивать со стены, оставляя этот безобразный голый гвоздь, — загадка. Я решила, что, если заведу собственного президента в рамке, ни за что не буду его забирать при переходе на другую работу. Оставляю тому, кто займет кабинет после меня. Просто чтобы человек не чувствовал себя узником Алексеевского равелина.

Даже если вместо постера с президентом я раздобуду коллекцию экзотических бабочек в рамке, парадный портрет адвоката Плевако или большое венецианское зеркало — все равно не стану забирать. Хотя нет, зеркало заберу, ну в смысле если раздобуду!.. Зеркало мне и дома пригодится, а то мы с Сашкой вечно друг друга от единственного трюмо в прихожей гоняем.

Впрочем, пока у меня не было ни зеркала, ни коллекции бабочек в рамке, ни портрета Плевако, ни постера с президентом. Так что я повесила на гвоздь мокрый плащ. Во-первых, потому, что больше его все равно некуда вешать. Во-вторых — чтобы не было соблазна использовать гвоздь по прямому назначению. Глядя на него, хотелось немедленно повеситься. Особенно в такой вот славный рабочий день.

В этом кабинете мне теперь придется прово-

доть... Сколько там времени мы проводим на службе? Я помножила в уме восемь часов на двести сорок рабочих дней (множить в уме в последнее время стало моим хобби, у Сашки были нелады с алгеброй). Получилось почти две тысячи часов в год. И это — минимум. Восьмичасовой рабочий день — он ведь у нас только по закону восьмичасовой.

По ту сторону голого зарешеченного окна сыпался дождь. Голый крохотный московский палисадничек с изломанными кустиками и разъезженной, словно трактор тут катался, мокрой землей с остатками жухлой травы ничем не напоминал Люксембургский сад. Вот дался мне этот сад!.. Надо где-нибудь хоть горшком с геранью разжиться, что ли. Герань на подоконнике — мещанство, конечно. Но лучше уж мещанство, чем такой минимализм.

Я стащила мокрые сапоги. Поставлю на батарею, пусть хоть чуть-чуть просохнут.

На парковке, стоя по щиколотку в треклятой луже, я перерыла весь багажник, но туфли, на которые так рассчитывала, не нашла. Наверное, я их все же забрала из машины. Так что, похоже, на слушание дела придется выходить в грязных сапогах. А я-то надеялась в первый рабочий день поразить многоуважаемый суд своей красотой и элегантностью.

Я как раз пристраивала сапог на батарею, когда в дверь коротко стукнули и на пороге нарисовался молодой человек в отутюженном, без

единой морщинки, костюме и круглых очках а-ля Гарри Поттер.

— Доброе утро, Елена Владимировна, — сказал он. — Я Дмитрий Косарев, ваш помощник.

Начищенные ботиночки, белоснежный воротничок, аккуратная прическа, вежливая улыбка... Этот молодой человек явно не прыгал сегодня на старенькой «Хонде» по бордюрам, не стоял по щиколотку в мутных водах московской лужи, не ругался вчера с дочерью из-за алгебры. И кофе он, конечно же, с утра пил. И не как-нибудь там на бегу, торопясь и обжигаясь, а чинно-благородно, сидя за столом. Наверняка он пил кофе уже чистенький, выбритый, причесанный. Может, даже салфетку за воротник заложил, чтобы не испачкать случайно рубашку. И наверняка за кофе читал свежий номер «Судебного вестника» или книжку какого-нибудь американского психолога про то, как правильно делать карьеру. И заедал все это горячим бутербродом.

Горячий бутерброд мне сейчас был бы ох как кстати. Впрочем, и холодный сойдет. С сыром. Или с ветчиной — все равно. И кофе. Большая чашка... Хотя сгодится и чай. Только крепкий. И сладкий. Если с лимоном — так и совсем хорошо.

Ни чая, ни кофе, ни бутерброда у меня не было. «Надо будет хоть чайник купить на работу, что ли, — подумала я, разглядывая молодого человека не слишком вежливо. — И чашку.

И пачку заварки. А сегодня придется побираться у кого-нибудь из местных знакомых». Когда я работала в прокуратуре — часто заходила в суд по делам и многих тут знаю. В сущности, есть очень славные люди. И чаем всегда поили, и просить не приходилось — сами предлагали. Правда, тогда я была помощником прокурора. Сотрудники судов обожают поболтать за чаем с работниками прокуратуры — это не только приятно, но и полезно. Однако, как говорится, не стоит путать туризм с эмиграцией. Теперь я тоже сотрудник суда. А любят ли судейские распивать чай друг с другом, я не знаю.

— Здравствуйте, приятно познакомиться, — сказала я, протягивая Гарри Поттеру руку.

О, черт! В руке все еще был мокрый извозюканный сапог. Я сунула сапог к батарее, отрянула руку о юбку (изящный жест, чего уж там) и босиком прошествовала к столу. Да гори оно все синим пламенем!

— Мне приступать? — поинтересовался Гарри Поттер.

Я кивнула. Отчего не приступить?

— Правда, мне вас даже посадить некуда, — посетовала я. — Похоже, мой предшественник гостей принимал на восточный лад, на полу.

Это была шутка. Просто попытка разрядить атмосферу.

Гарри — то есть Дима — никак не отреагировал. Смотрел на меня все с той же вежливой полуулыбкой, которая вдруг показалась мне иезуитской.